
Библейский профетизмъ и языческая мантика.

I.

Весь современный споръ вѣры съ невѣріемъ, религіи съ
ея отрицаніемъ, поскольку онъ ведется на почвѣ данныхъ
Библіи, можетъ быть, въ концѣ концовъ, сведенъ къ двумъ
главнымъ пунктамъ—къ вопросу о взаимоотношениі Библіи
и ориентологіи, и къ вопросу о происхожденії древне-еврей-
ского профетизма. Подъ первымъ изъ этихъ вопросовъ мы
разумѣемъ, главнымъ образомъ, пресловутый споръ о *Bibel und Babel*, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поднятый въ Гер-
маніи Деличемъ и подѣливший всѣхъ ученыхъ ориентоло-
говъ и библеистовъ на два враждующихъ лагеря. А подъ
вторымъ изъ нихъ имѣемъ въ виду господствующее въ со-
временной библейско-критической школѣ эволюціонное объ-
ясненіе происхожденія возвышенной монотеистической ре-
лигіи евреевъ и всей, вообще, ветхозавѣтной библейской
исторіи.

Оба только что указанныхъ взгляда довольно популярны
въ современной западной литературѣ и считаются тамъ
чуть ли не послѣднимъ словомъ библейско-исторической
науки. И однако, при всемъ радикализмѣ этихъ взглядовъ,
на западѣ они не представляютъ изъ себя особенной опас-
ности для ортодоксальной точки зрѣнія на Библію, такъ
какъ они встречаютъ тамъ себѣ самый серьезный отпоръ
въ солидныхъ работахъ ученыхъ другаго направленія, ко-
торые, напр. данными ориентологіи пользуются совершенно
иначе—не для ниспроверженія авторитета Библіи, а для
большаго его утвержденія.

Къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать того-же самаго про
нашу библейско-историческую литературу. Въ нее за послѣд-

ніе годы немало проникло различныхъ переводныхъ сочиненій, почти исключительно рѣзко-отрицательного направлѣнія, изданныхъ хотя въ плохихъ, но за то и въ дешевыхъ переводахъ, нерѣдко съ довольно кричащими, рекламными заголовками. Книгоиздательство „Мысль“, „Логосъ“, фирма Н. Глаголева и др. выпустили цѣлую массу подобныхъ переводовъ: они дали и полное собраніе сочиненій Ренана и Штрауса, и наиболѣе отрицательные труды Сендерленда, Гарнака, Фейербаха, Геккеля и многихъ другихъ авторовъ, прямо или косвенно ниспровергающихъ нашу старую библейскую вѣру и ея вѣковые устои. Съ начала прошедшаго 1908 г. возникло даже особое специальное книгоиздательство, характеръ и задачи которого вполнѣ ясно опредѣляются самимъ его именемъ: „Религія и церковь въ свѣтѣ научной мысли и свободной критики“. Оно успѣло сдѣлать уже около десятка выпусковъ различныхъ переводныхъ сочиненій и своеобразныхъ компиляцій, среди которыхъ попадаются и такія, которыхъ имѣютъ прямое и ближайшее отношеніе къ библейской исторіи, какъ напр. вып. II. „Изъ исторіи ранняго христіанства“, сборникъ статей Гарнака, Ю. Веллгаузена, А. Юлихера, или вып. IV. P. Кнопфъ „Происхожденіе и развитіе христіанскихъ вѣрованій въ загробную жизнь; или вып. VI Гольманъ „Религія Іудеевъ въ эпоху Іисуса“, вып. VII Н. Никольскій „Царь Давидъ и Псалмы“.

Наконецъ и пресловутый споръ о *Bibel und Babel*, такъ сильно взволновавшій ученые круги Запада, въ нашей свѣтски образованной публикѣ извѣстенъ въ одностороннемъ освѣщеніи, именно, почти исключительно по переводамъ статей и трудовъ ученыхъ отрицательного исправленія, тогда какъ огромная апологетическая литература, базирующаяся на почвѣ данныхъ той-же ориентологіи, до сихъ поръ остается въ тѣни и извѣстна только сравнительно небольшому и замкнутому кругу академическихъ богослововъ¹⁾. Изъ всего

1) Апологетическое освѣщеніе данныхъ ориентологіи, кроме двухъ извѣстныхъ, обширныхъ курсовъ („Библейской исторіи“ Лопухина и „Руководства къ изученію Библіи“ Вигуру, въ переводѣ свящ. Воронцова), мы имѣемъ еще въ диссертациіи іеромон. (теперь архіепископа) Платона „Древній Востокъ при свѣтѣ Божественнаго откровенія“ Кіевъ 1898 г., въ трудахъ проф. С. С. Глаголева „Сверхъестественное откровеніе и естественное Богопознаніе въ истинной церкви“ 1900 г. „Очерки по исторіи религій,

сказанного мы въ правѣ сдѣлать тотъ выводъ, что во первыхъ, и въ нашемъ свѣтски образованномъ обществѣ пробудился довольно живой и широкій интересъ къ религіознымъ вопросамъ и въ частности, къ библейско-историческимъ, и во вторыхъ, что этотъ интересъ удовлетворяется слишкомъ одностороннимъ и не всегда доброкачественнымъ продуктомъ.

Такое положеніе дѣла предъявляетъ совершенно новыя задачи и академической постановкѣ наукѣ библейской исторіи. Если до сихъ поръ специальнѣмъ задачамъ высшаго богословскаго образованія удовлетворяла простая положительная постановка этого курса, состоявшая почти исключительно во вѣшней передачѣ фактovъ библейской исторіи, соединенной съ большой или меньшой степенью ихъ внутренняго анализа и систематизаціи заключающагося въ нихъ религіозно-моральнаго ученія, то теперь, въ виду новыхъ запросовъ времени, такая постановка дѣла оказывается далеко недостигающей своей цѣли. Пожалуй, впрочемъ, ее можно признать достаточной и теперь, но съ большимъ ограничениемъ, именно, достаточной для людей глубоко вѣрующихъ и преклоняющихся передъ священнымъ авторитетомъ самого текста Библіи, для которыхъ каждое написанное въ ней слово свято само по себѣ и не допускаетъ никакихъ сомнѣній, а тѣмъ болѣе, возраженій. Но для такихъ глубоко и сильно вѣрующихъ людей, быть можетъ, и вовсе не нужно никакой библейской исторіи, равно какъ никакого ни апологетического, ни догматического, ни нравственнаго богословія; для нихъ совершенно достаточно простаго изъяснительнаго чтенія самой Библіи, съ соотвѣтствующими историческими справками и моральными назиданіями.

Но такихъ наивно-простодушныхъ простецовъ по вѣрѣ становится все меньше и меньше. Огромныя же массы людей, не только изъ числа тѣхъ, которые затронуты ядомъ невѣрія и скептицизма, но даже и тѣ, кто желалъ бы сохранить вѣру, уже неудовлетворяются простой панической вѣрой,

ч. I Религія древнійшихъ культурныхъ народовъ" 1902 г. Проф. С. Песецкаго. „Повѣствованіе ассирио-аввилонскихъ клинообразныхъ таблицъ о твореніи міра". Тр. Кіев. Дух. Ак. 1901 г. Октябрь. Проф. А. Покровскаго „Библейское ученіе о первобытной религії" Сер. Пис. 1901 г. и въ специальному сборнику „Библія и Вавилонъ", издавномъ ред. журн. Страиникъ въ 1904 г.

но хотять прояснить и углубить ее свѣтомъ разумнаго сознанія. Вотъ, для всѣхъ этихъ-то людей и нужна теперь новая, совершенно иная постановка библейской исторіи, которая на первый планъ выдвигала-бы широко и правильно понятый полемико-апологетический интересъ, т. е. мужественно шла-бы навстрѣчу всѣмъ современнымъ возраженіямъ и нападкамъ на старыя библейскія позиціи.

Къ сожалѣнію, наше академическое богословіе, частью, быть можетъ, и по собственной винѣ, а еще больше по причинамъ отъ него независящимъ, довольно глухо къ нуждамъ и запросамъ времени и слабо отзывается на нихъ. Упрекъ нашему богословію въ отсталости, безжизненности, сколастичности и отвлеченнной сухости сталъ какимъ-то общимъ мѣстомъ въ устахъ свѣтскихъ людей. Да его не рѣдкость слышать или читать и у нашихъ наиболѣе образованныхъ и чуткихъ духовныхъ писателей. Сильную и не-безъосновательную жалобу на все это недавно мы читали даже въ специальной статьѣ одного изъ академическихъ ревизоровъ, гдѣ вмѣстѣ съ указаніемъ на вышеуказанное типические недостатки академического богословія, дѣлается энергичный призывъ къ его обновленію и освѣженію, въ духѣ нуждъ и запросовъ времени ¹⁾.

Въ частности, по каѳедрѣ библейской исторіи такое освѣженіе всей постановки курса должно выразиться, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, въ томъ, чтобы выдвинуть на первый планъ и сосредоточить преимущественное вниманіе, именно, на тѣхъ вопросахъ, которые являются наиболѣе пререкаемыми въ нашей наукѣ и служать въ настоящее время главнымъ предметомъ научныхъ дебатовъ за и противъ библейского авторитета. А такими вопросами, какъ мы старались показать это выше, и являются вопросы оріентологіи, съ одной стороны, и возраженія библейско-отрицательной критики, съ другой. Вотъ почему и вѣь лучшіе труды западной библейско-исторической литературы, не говоря уже о протестантскихъ, но даже и католические, обычно имѣютъ теперь такую окраску, на фонѣ которой та или иная постановка оріентологической проблемы и вопросовъ библей-

¹⁾ Разумѣемъ здѣсь докладную записку Высокопреосвященнаго Антонія (Храповицкаго), прочитанную имъ въ засѣданіи комиссіи по преобразованію Духовныхъ Академій.

ской критики стоять въ центрѣ всего и кладуть соотвѣтствующій отпечатокъ на весь курсъ. И это, повторяемъ, слѣдуетъ сказать не только про труды протестантскаго богословія, съ его рационалистическими тенденціями, но и про труды католическихъ ученыхъ, которыхъ мы не имѣемъ права упрекнуть въ недостаткѣ апологетического усердія. Но во имя этой-то апологии дорогихъ твердынь положительнаго богословія всѣ современные западные защитники библейскаго авторитета считаютъ безусловно необходимымъ для себя какъ полемику съ выводами библейской критики, такъ и твердую опору въ данныхъ оріентологіи. Достаточно въ этомъ отношеніи указать хотя бы на многочисленныя и солидныя работы почтеннаго французскаго аббата Vigouroux, который выпустилъ даже двѣ особыхъ серіи трудовъ по этимъ назрѣвшимъ вопросамъ времени: одинъ четырехтомный трудъ посвященъ специальной полемикѣ съ библейскимъ рационализмомъ—„Les livres saints et la critique rationaliste“ I—IV; намъ извѣстенъ онъ уже въ 3-емъ изданіи 1890—2 г. Другой, не менѣе обширный трудъ того-же автора посвященъ специальному обзору и апологетической обработкѣ данныхъ оріентологіи, это—цѣнное его сочиненіе „La Bible et les decouvertes modernes en Palestine, en Egypte et en Assyrie“ I—IV, извѣстно намъ уже въ шестомъ изданіи 1895—96. Въ тѣсной связи съ ними по общему характеру и духу стоять и другой монументальный трудъ, начатый подъ главной редакціей Vigouroux и теперь продолжаемый въ томъ же направлениіи его ближайшими сотрудниками—это многотомный „Dictionnaire de la Bible“—лучший изъ современныхъ библейскихъ словарей, по полнотѣ собраннаго материала и научной широтѣ его освѣщенія, при полной вѣрности основнымъ началамъ ортодоксіи. Приблизительно въ томъ же направлениіи написаны и новѣйшия библейскіе труды англійскихъ и американскихъ богослововъ, какъ, напр., шеститомный трудъ Geikie „Hours withs the Bible“ I—IV и цѣлая серія библейско-апологетическихъ работъ, объединенная подъ общимъ заголовкомъ „Men of the Bible“ I—IV в. У насъ въ Россіи наиболѣе полнымъ и типичнымъ выраженіемъ этого новаго библейско-оріенталистического направлениія является капитальный трудъ покойнаго профессора А. П. Лопухина „Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и от-

крытий" въ двухъ большихъ томахъ, по тысячу страницъ въ каждомъ, со множествомъ картъ, политипажей и различныхъ снимковъ. При всей компилятивности этого труда и его непосредственной зависимости, какъ отъ только что названныхъ работъ, такъ и отъ несколькихъ другихъ аналогичныхъ съ ними (Lenormant, Stanley, Edersheim etc.), трудъ проф. Лопухина довольно правильно отображаетъ господствующее течениe новѣйшей библейско-исторической науки и является пока лучшимъ по полнотѣ и свѣжести материала изъ всѣхъ русскихъ трудовъ въ области этой специальности. Такъ что мы съ полнымъ убѣжденіемъ и правомъ можемъ еще разъ заявить, что все новое, наиболѣе свѣжее и живое въ библейской литературѣ, что идетъ навстрѣчу запросамъ времени и пытается ихъ удовлетворить—все это стоитъ, главнымъ образомъ, подъ знаменемъ ориентологіи и на ея почвѣ ведетъ упорную борьбу съ предвзятыми, эволюціонными гипотезами библейско-критической школы. Особенно почастливилось за послѣднюю четверть вѣка работамъ чистаго ориенталистического типа, въ которыхъ, благодаря новизнѣ и документальности материала, дано такъ много благодарной пищи для библейско-апологетическихъ построений.

Далеко нельзя сказать того-же самаго про работы смѣшанного, ориенталистическо-полемического типа, въ особенности, съ преобладающимъ критическимъ характеромъ. Ихъ гораздо меньше, такъ какъ онѣ гораздо сложнѣе и труднѣе, требуютъ лучшей филологической и эзегетической подготовки, и въ то же время не могутъ дать столь бесспорныхъ, столь осознательныхъ результатовъ, какъ чисто ориенталистическія работы. И однако работы подобнаго типа крайне важны и необходимы, потому что тотъ врагъ, съ которымъ онѣ имѣютъ дѣло, является особенно опаснымъ, такъ какъ онъ нерѣдко прекрасно вооруженъ знаніемъ семитической филологии и библейского текста. Удары библейской отрицательной критики направлены въ самый центръ библейско-ортодоксальнаго міровоззрѣнія и мы не въ правѣ ихъ замалчивать и обходить; наоборотъ, мы должны вступать съ ними въ энергичную борьбу и по возможности бить своихъ противниковъ ихъ-же собственнымъ оружіемъ, т. е. болѣе широкимъ и правильнымъ освѣщеніемъ библейского текста, ведущимся на почвѣ сравнительного изученія исторіи, религіи и языка.

древняго семитического Востока, подкрепляемаго соотвѣтствующими справками изъ области новѣйшей ориентологии.

На одномъ изъ такихъ, жестоко пререкаемыхъ въ современной библейско-критической школѣ вопросовъ, мы и думаемъ остановиться въ настоящей своей статьѣ, именно, на вопросѣ о библейскомъ профетизмѣ. Послѣдній, по взгляду представителей этой школы, вышелъ будто-бы изъ языческой мантки и прошелъ обычный, чисто естественный путь эволюціоннаго развитія, исключающій всякий сверхъестественныи, супранатуральный элементъ. Это, разумѣется, въ корне ниспровергаетъ ортодоксальное пониманіе библейскаго пророчества, согласно которому библейскій профетизмъ это—самый дорогой и завѣтный пунктъ всей исторіи и религіи Израиля, ихъ сущность и душа, что мы раньше и раскрыли подробно въ особой специальной статьѣ¹⁾.

Правда, и по взгляду отрицательной критики библейскій профетизмъ это—кульминаціонный пунктъ развитія еврейской исторіи, это—высшая ступень эволюціоннаго прогресса, до которой дошло развитіе религіи Израиля. Даже больше того. Пророчество, по мнѣнію адептовъ этой школы, не только вершина развитія, но вмѣстѣ и ея фундаментъ: служеніе пророковъ и есть, именно, та творческая сила, которая очистила и просвѣтила, какъ-бы создала возвышенную моральную религію Израиля, обработавъ ее, путемъ довольно длиннаго и сложнаго процесса, изъ грубыхъ формъ древнѣйшаго политеизма.

Кромѣ всего этого, еврейскіе пророки, по мнѣнію библейско-критической школы, имѣютъ для насть огромную важность еще и потому, что въ сущности, именно они были главными, почти единственными творцами священнаої библейской литературы. Пророки написали почти всѣ книги Ветхаго Завѣта; слѣдовательно, отъ нихъ мы знаемъ и самую исторію Еврейскаго народа, которая прошла черезъ ихъ руки и сквозь призму ихъ субъективнаго міровоззрѣнія. Отсюда, и по взгляду отрицательной критики, пророки—самые крупныя, центральныя фигуры во всей исторіи библейскаго Израиля, такъ что здѣсь почти нѣть никакой разницы между ортодоксальной и критической точкой зрѣнія, а если какая и есть, то развѣ лишь въ формѣ нѣкотораго преуве-

¹⁾ „Ветхозавѣтныи профетизмъ, какъ основная типическая черта библейской исторіи Израиля“. Богословскій Вѣстникъ, Апрѣль 1908 г.

личенія роли библейского профетизма, замѣчаемаго въ критической школѣ.

Но сходясь въ общей, заключительной оцѣнкѣ библейского профетизма, точнѣе, въ опредѣлениі того исключительно важного и отвѣтственного служенія, какое онъ несъ въ исторіи ветхозавѣтнаго Израїля, библейская ортодоксія и библейской рационализмъ рѣзко расходятся въ объясненіи самаго происхожденія этого института. Съ точки зрѣнія ортодоксальнаго пониманія, пророки это—особые, чрезвычайные органы божественной воли, это—Божіи человѣки, говорившіе по внушенію Св. Духа. По взгляду же отрицательной критики, это—обыкновенные, смертные люди, лишь развившіеся, благодаря цѣлому ряду естественныхъ, историческихъ причинъ, до высшихъ ступеней умственной и религіозно-моральной культуры. Частнѣе, библейскій профетизмъ, по мнѣнію ученыхъ критической школы, это—ничто иное, какъ своеобразный, эволюціонный продуктъ языческой мантиki: оба они, т. е. какъ профетизмъ, такъ и мантика, одной природы, вышли изъ одного и того-же, чисто-языческаго корня; но они имѣли различную историческую судьбу: первый, т. е. библейскій профетизмъ, сначала едва замѣтно откововвшись отъ политеистического корня, съ теченiemъ времени все дальше и дальше уходилъ отъ него, пока, наконецъ, не превратился въ діаметральную противоположность ему, т. е. не достигъ высотъ, такъ называемаго, „этическаго монотеизма“. Второй же продуктъ политеистического натурализма,—языческая мантика совершила обратную эволюцію, т. е. она все больше и глубже погружалась въ стихіи языческаго политеизма, развивая все новыя и новыя формы мантическаго института. Такимъ образомъ, хотя различная историческая эволюція библейского профетизма и языческой мантики, и довела ихъ до полной противоположности другъ другу, но въ первичныхъ своихъ истокахъ они, какъ думаетъ рационалистическая критика, вышли изъ одного общаго русла, имѣютъ одну и ту-же, именно, чисто языческую природу.

Ясно, что при такомъ взглядѣ на дѣло, получается рѣзкая разница и въ оцѣнкѣ произведений библейского профетизма. Если все это—лишь продуктъ естественной языческой эволюціи, то какъ-бы мы на словахъ его высоко не цѣнили, на дѣлѣ-же какъ самъ профетизмъ, такъ и всѣ произведе-

нія его творчества (біблейская литература и вся ветхозавѣтная религія), теряютъ всякую цѣну: все это будутъ лишь обычнаѧ человѣческія измышенія, имѣющія условный и времененый характеръ и ни для кого не обязательныи, преходящій авторитетъ.

Совсѣмъ иное дѣло, если мы, согласно ортодоксальному воззрѣнію, признаемъ за біблейскимъ профетизмомъ высшее, сверхъестественное происхожденіе. Тогда и всѣ его произведенія какъ историческаго, такъ и религіозно-морального характера, приобрѣтаютъ также особенное значеніе и цѣну: это уже будутъ не простыя слова обыкновенныхъ, хотя бы даже и геніальныхъ людей, но откровеніе Самаго Бога, глаголы вѣчной жизни, возвѣщенные человѣчеству чрезъ посредство особыхъ полномочныхъ органовъ Божественной воли, воздвигаемыхъ Богомъ въ лицѣ пророковъ. Слѣдовательно, вопросъ о происхожденіи біблейского профетизма, его характерѣ и природѣ, является, въ концѣ концовъ, важнѣйшимъ, решающимъ вопросомъ всей біблейской исторіи. Неудивительно, что онъ послужилъ главнымъ средоточиемъ ударовъ біблейской раціоналистической критики. Ясно, что и мы, въ виду всего этого, должны сосредоточить на немъ свое особое вниманіе, чтобы отстоять и сохранить этотъ главный оплотъ ортодоксальнаго пониманія ветхозавѣтной религіи и всей біблейской исторіи.

II.

Всѣ раціоналистическая попытки отожествить біблейскій профетизмъ съ языческой мантикой могутъ быть раздѣлены на двѣ главныхъ группы: одна пытается провести параллель между языческими и еврейскими формами профетизма и такимъ путемъ всецѣло ихъ отожествить. Другая, эту общность происхожденія ихъ обоихъ усматриваютъ лишь въ начальныхъ стадіяхъ развитія біблейского профетизма и охотно допускаютъ ея уменьшеніе, а затѣмъ и полное исчезновеніе, по мѣрѣ постепеннаго очищенія и просвѣтленія еврейскаго профетизма, подъ вліяніемъ монотеистическихъ тенденцій.

Первая группа критическихъ ударовъ, несмотря на ее болѣе рѣшительный характеръ, въ сущности почти совершенно безвредна, вслѣдствіе очевидной слабости ея аргументаціи. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ тѣ формы и виды ветхозавѣтного профетизма, о которыхъ намъ говорить Би-

лія, въ современномъ ея видѣ, и сравнимъ ихъ съ формами, древне-авилонской магіи или позднѣйшей греческой мантиki, то мы найдемъ между ними гораздо больше отношенія взаимной противоположности, чѣмъ сходства.

Библейскій профетизмъ и языческая теургія и мантика противоположны, прежде всего, по ихъ основаніяхъ и цѣлямъ. Такъ, пророчество всецѣло основывается на непосредственномъ откровеніи воли Божіей особымъ, избраннымъ Имъ людямъ: Божество, здѣсь не только источникъ откровенія, но и его виновникъ или инициаторъ. Въ язычествѣ совершенно иначе: тамъ инициатива откровенія принадлежитъ человѣку, который самъ обращается къ оракулу и вынуждаетъ его на такой или иной отвѣтъ себѣ. Здѣсь, слѣдовательно, не Богъ выбираетъ себѣ достойнаго человѣка, какъ органа своей откровеній воли, а наоборотъ, человѣкъ выбираетъ себѣ тотъ или другой, наиболѣе благопріятствующій ему оракулъ.

Далѣе, въ библейскомъ профетизмѣ мы находимъ ясную и опредѣленную, по большей части, словесную форму откровенія. Въ языческой же мантицѣ почти все дѣло основано или на темномъ предчувствіи и двусмысличныхъ фразахъ, или на субъективномъ и болѣе или менѣе произвольномъ толкованіи различныхъ натуралистическихъ феноменовъ.

Библейскіе пророки, хотя и „чувствовали на себѣ руку Господню“ въ моментъ пророческаго озаренія, но никогда не теряли своей личности; ихъ собственное сознаніе и воля не уничтожались и не подавлялись, а возводились лишь на высшую степень совершенства, получали особенную ясность и силу. Совершенно наоборотъ было въ язычествѣ, гдѣ „вдохновеніе“ прорицателя достигалось путемъ искусственныхъ приемовъ и даже одурманивающихъ средствъ, такъ что оно переходило въ явно-патологическое состояніе.

Ветхозавѣтные пророки—лучшіе люди націи, ея самоотверженные герои и вожди: они безкорыстные служители народныхъ интересовъ и безстрашные борцы за общественное благо противъ деспотизма царей и эгоизма богачей. Полную противоположность имъ представляютъ языческие жрецы—они хитрые придворные интриганы или низкие рабы и льстецы передъ властью, и одновременно, жадные и корыстолюбивые эксплоататоры бѣдной и темной народной массы, которая имѣла несчастье слѣпо довѣряться имъ.

Въ языческой мантикѣ живая личность прорицателя почти не играетъ никакой роли и поэтому, обыкновенно, стоитъ совершенно въ тѣни и остается никому неизвѣстной. Въ библейскомъ-же профетизмѣ — личность самого пророка—это все: онъ живой центръ пророчества, которое тогда только и получаетъ свою силу, когда соединяется съ именемъ авторитетнаго и популярнаго пророка.

Правда, нѣсколько подобныхъ имень сохранила намъ и античная древность, которая съ высокимъ уваженіемъ упоминаетъ, напр. провидцевъ: Терселя, Калхаса, Полидама, Амфиароса, Геркулеса и приписываетъ имъ цѣлый рядъ чудесныхъ дѣйствій. Но это далеко не то, что ветхозавѣтные пророки: всѣ эти легендарные классические герои дѣйствуютъ совершенно самостоятельно и независимо отъ какой-либо высшей посторонней силы: они сами полубоги и творять все собственной, удивительной силой. Библейскіе же пророки ничего не говорятъ и не дѣлаютъ отъ себя, а все совершаютъ во имя Божіе, отъ лица пославшаго ихъ Іеговы. И затѣмъ, всѣ античные герои классическихъ древности носятъ явно выраженный легендарно-миѳологический характеръ; почему они и отодвигаются вглубь до историческихъ временъ, вовсе изчезая съ началомъ дѣйствительной истории. Библейскіе же пророки выступаютъ на сцену сравнительно поздно и являются опредѣленными историческими персонажами. Они дѣйствуютъ, преимущественно, въ periodъ наивысшаго разцвѣта политической жизни еврейскаго народа; до этого ихъ дѣятельность едва замѣтна, а послѣ этого—и вовсе прекращается.

Языческая мантика будучи пріурочена, обыкновенно къ опредѣленному мѣсту и сопровождаясь извѣстными вицѣшними дѣйствіями, имѣла даже скорѣе политическое, чѣмъ религіозное значеніе. Ветхозавѣтный же профетизмъ, какъ показываетъ вся библейская история, былъ безусловно чуждъ всѣхъ условій языческой дивинаціи: ни мѣсто, ни время, ни полъ, никакія либо искусственные мѣры здѣсь роли не играли,— и самое пророчество здѣсь всегда преслѣдовало какія-либо ясно выраженные, непремѣнно религіозно-нравственныя цѣли: очищеніе религіи, исправленіе нравовъ, обличеніе различныхъ злоупотребленій, предсказаніе грядущихъ

за нихъ бѣдствій и картины будущей мессіанской эпохи— вотъ основныя пророческія темы.

Однимъ словомъ, какую-бы сторону библейского профетизма мы не взяли, она почти всегда является полной антитезой соответствующей стороны въ языческой мантікѣ. Такъ что говорить, послѣ всего этого, объ ихъ аналогіи и параллелизмѣ, можно только по глубокому недоразумѣнію.

Въ настоящее время этотъ грубый критическій пріемъ уже почти оставленъ: онъ находитъ своихъ рѣдкихъ защитниковъ только въ средѣ тѣхъ рационалистовъ, которые совершенно незнакомы съ Библіей и судятъ объ ея содержаніи по наслышкѣ,aprіорно, по схемѣ общихъ эволюціонистическихъ шаблоновъ.

Научная-же библейская критика, которой далеко нельзя отказать въ серьезному знакомствѣ съ Библіей, стыдится уже прибѣгать къ такимъ грубымъ полемическимъ пріемамъ и даже сама утверждаетъ, что типичныя формы библейского профетизма рѣзко отличаются отъ характеристическихъ чертъ языческой мантіки и доходятъ, подъ конецъ, даже до полнаго контраста съ ними.

Однако и новѣйшая отрицательная критика не совсѣмъ бросила это притупившееся оружіе: она только отточила его, сдѣлала болѣе тонкимъ и легкимъ и потому гораздо болѣе опаснымъ. Существенная поправка, внесенная въ этотъ критическій аргументъ представителями научнаго библейскаго богословія, состоить въ томъ, что она моментъ аналогіи и даже полна сходства профетизма съ мантікой не распространяетъ на всю исторію того и другаго—въ чемъ состояла главная ошибка прежнихъ отрицателей,—а ограничиваетъ его рамками одного начального, древнѣйшаго періода библейской исторіи, уходящаго своими корнями въ глубину языческой, доисторической древности, когда специальная израильская исторіяничѣмъ особыеннымъ еще не выдѣлялась будто-бы изъ обще-семитической.

Они не витаютъ, подобно старымъ рационалистамъ, въ области однихъ сомнительныхъ гипотезъ и общихъ эволюціонистическихъ схемъ, а стоять на твердой почвѣ израильской исторіи и библейского текста, изъ филологического анализа котораго они и извлекаютъ большинство критическихъ аргументовъ. Въ виду всего этого, данный взглядъ

пріобрѣтаетъ для нась особенную важность и заслуживаетъ подробнаго историко-критического изложенія и разбора.

Обстоятельнѣе и полнѣе всего этотъ взглядъ развитъ Sigmund'омъ Maubauomъ въ его серьезнѣй и оригинальной монографіи: „Die Entwicklung des israelitischen Prophetenthums, съ аргументацией которой мы и познакомимся. Свою общую точку зренія на предметъ Maubauomъ достаточно ясно раскрываетъ уже во введеніи къ своей книгѣ. „Важнѣйшій и значительнѣйшій институтъ израильской древности—говорить онъ—безспорно профетизмъ, и хотя каждый народъ древности имѣлъ своихъ пророковъ, однако можно сказать, что и по существу и по цѣлямъ израильскій профетизмъ скорѣй лежитъ нѣкоторой разграничительной чертой между израилемъ и язычествомъ“. Впрочемъ, когда такъ сравниваютъ и говорятъ, то, обыкновенно, имѣютъ въ виду профетизмъ классического периода библейской исторіи, начиная съ эпохи Амоса, когда онъ уже, дѣйствительно, не имѣлъ почти ничего общаго съ языческой мантікой. Но при этомъ упускаютъ изъ виду раннѣйшія, начальные стадіи библ. профетизма когда онъ отнюдь не стоялъ на столь высокой ступени развитія, на какую онъ поднялся начиная съ эпохи пр. Амоса и даже еще нѣсколько раньше его.

„Многіе думаютъ,— продолжаетъ Maubauomъ что и по началу или происхожденію своему, ветхозавѣтное пророчество представляетъ собой нѣчто исключительное и ни съ чѣмъ несравнимое. Но это—глубокое заблужденіе, коренящееся въ томъ еще непреложенному предразсудку, что мы начальные моменты библейского профетизма все еще склонны видѣть въ пятокнїжіи, забывая, или упуская изъ виду, что оно само есть продуктъ профетизма—именно его значительнѣйшій, уже очищенной формы. Не надо забывать — поучаетъ насъ Mab., что вся библейская литература (въ томъ числѣ, разумѣется, и пятокнїжіе и всѣ книги историческія), есть произведеніе позднѣйшихъ пророческихъ писателей, которымъ уже не было извѣстно самое происхожденіе пророчества и его первоначальная судьбы, или, что менѣе вѣроятно, которыхъ сознательно оборвали нить пророчества, именно, тамъ, где она подходила къ своему исходному пункту, т. е. языческимъ формамъ“. На

самомъ же дѣлѣ, по мнѣнію ученаго критика, израильскій профетизмъ, хотя и имѣть своеобразную исторію развитія, но онъ выходитъ изъ общихъ съ язычествомъ началъ. И чѣмъ глубже опускаемся мы на дно израильской исторіи, тѣмъ многочисленнѣе и яснѣе выступаютъ передъ нами родственныя черты сходства древнѣйшихъ формъ библейского профетизма съ различными видами языческой мантики.

Тотъ антагонизмъ, который мы встрѣчаемъ чуть не на каждой страницѣ Библии въ отношеніи къ разнообразнымъ формамъ языческой мантиki, рѣшительно ни о чёмъ особенному будто-бы не говорить: онъ легко можетъ быть объясненъ какъ позднѣйшая искусственная интерполяція исторіи, отмѣчающая понятную психологическую реакцію въ самомъ профетизмѣ, для котораго было непріятно уже одно упоминаніе о такомъ подозрительномъ родствѣ. Общеизвѣстна та истина, что самые злые и заклятые враги кого-бы и чего-бы то ни было, обыкновенно выходятъ изъ числа ренегатовъ. А библейский профетизмъ, по мнѣнію Мауbaum'a, и былъ именно, такимъ типичнымъ ренегатствомъ по отношенію къ языческой мантикѣ.

Несмотря на всѣ свои старанія, онъ не могъ однако изгладить всѣхъ слѣдовъ древности и окончательно порвать связи съ язычествомъ; поэтому даже и въ позднѣйшихъ формахъ библ. профетизма наблюдаются будто-бы нѣкоторыя атавистические отголоски, отъ которыхъ онъ не могъ всецѣло освободиться. Что-же касается древнѣйшей исторіи пророчества, то тамъ эти связующія нити становятся все замѣтнѣе и яснѣе, по мѣрѣ того, какъ мы мысленно будемъ проникать въ глубь израильской исторіи. Задача историка библейста и состоить, именно, въ томъ, чтобы подъ позднѣйшей библейской профетической личиной вскрыть ея первоначальную, древнѣйшую форму, и такимъ путемъ изъ различныхъ частныхъ, случайныхъ и разбросанныхъ указаний, составить, болѣе или менѣе, цѣлостное и опредѣленное представление о тѣхъ архаическихъ формахъ библейского профетизма, въ которыхъ выражалось его несомнѣнное родство съ языческимъ прорицаніемъ.

Методологическимъ путемъ для достижения этой цѣли Мау. избираетъ, съ одной стороны, историко-филологический анализъ различныхъ библейскихъ терминовъ, имѣю-

щихъ непосредственное отношение къ тѣмъ или инымъ видамъ языческой мантиki, а съ другой—ббл. характеристику такъ наз. „ложныхъ пророковъ“, въ которыхъ онъ видѣтъ представителей раннѣйшаго, болѣе чистаго и подлиннаго типа древне-израильскаго профетизма.

По взгляду Мацв. и его школы, древне израильскій профетизмъ первоначально состоялъ въ тавматургіи и прорицаніи и всецѣло сливался съ жеречествомъ или священствомъ. Каждый „жрецъ“—коhen — извѣстной „высоты“—ваима соединялъ въ своемъ лицѣ достоинство жреца и прорицателя. Позднѣе, между жрецами одной и той же „высоты“ произошло нѣкоторое добровольное раздѣленіе труда: одни—преимущественно занялись жертвеннымъ культомъ и относящимся къ нему ритуаломъ, другіе—всецѣло посвятили себя искусству предсказанія и стали чрезъ то въ положеніе учителей и увѣщателей народа, не разрывая, однако, своихъ связей и съ жеречествомъ.

Въ жрецахъ второго типа и намѣчался первый проблескъ будущаго самостоятельнаго профетизма. Но онъ долго не обособлялся отъ первого типа: это былъ такой-же обыкновенный жрецъ, но только специализировавшійся въ области предсказаній. Маувашъ находитъ слѣды этого типа и въ Библіи, въ эпитетѣ **מְלֵאָה שִׁׁיר**, который въ кн. Судей (XIII, 6. 8) и I Цар. II, 26 служить древнѣйшимъ обозначеніемъ пророка какъ „мужа Божія“. Въ другихъ мѣстахъ Библіи эпитетъ этотъ безразлично прилагается къ левиту, жрецу и пророку, откуда будто бы слѣдуетъ, что пророчество сначала еще не индивидуализировалось и не обособлялось отъ священства.

Со стороны своей дѣятельности древнѣйшій израильскій жрецъ—прорицатель характеризуется общимъ терминомъ **מְרֹאָה** что значитъ буквально „разрѣшитель, раздѣлитель“. Онъ указываетъ, слѣдовательно, на прорицателя, какъ на человѣка, который изъ двухъ возможностей выбираетъ какую-либо одну и тѣмъ самымъ уничтожаетъ альтернативу, разрѣшаetъ колебаніе.

Средствомъ узнать въ такихъ случаяхъ волю Божью для жреца и вопрошателя, обыкновенно служили, какіе-либо внѣшніе знаки, по большей части вынутіе „жребія“. Характеристичное свидѣтельство этого рода дается въ XIV гл.

I кн. Ц.—41—42 ст., „и рече Саулъ, Господи Боже Израилевъ, что яко не отвѣщалъ еси рабу твоему днесъ; или моя есть, или сына моего Іонаѳана неправда: Господи Боже нашъ, даждь знаменіе... и рече Саулъ верзите жребій на мя и на Іонаѳана сына моего: его же объявить Господь, смертью да умретъ... и паде на Іонаѳана жребій“.

Этотъ видъ гаданія по жребію—универсальный признакъ профетизма—по мнѣнію Wellhausen'a нашелъ себѣ яркое воплощеніе въ особомъ, довольно-загадочномъ институтѣ древняго еврѣйства, извѣстнымъ подъ названіемъ „урима и туммима“. По объясненію Wellhausen'a—это ничто иное, какъ двѣ части альтернативы, да и иѣтъ, тоже своеобразный древнѣйший оракуль, посредствомъ котораго гадали древне-еврейские жрецы.

Подобные виды гаданій и самыи этотъ терминъ **СОР** въ древнѣйшихъ мѣстахъ Библіи безразлично прилагается, какъ къ еврейскимъ, такъ и къ языческимъ формамъ прорицаній. Такъ, напр. въ VI гл. I кн. Царствъ онъ служилъ обозначеніемъ филистимскихъ „жрецовъ, волхвовъ и обаятелей, которыхъ народъ филистимскій созвалъ для совѣта, какъ ему поступить, чтобы избавиться отъ бѣдствій, явившихся результатомъ плѣненія ковчега Божія.

Терминъ **СОР** служить по взгляду Мауб., общимъ и родовымъ обозначеніемъ древне-еврейскаго пророка, волхва и прорицателя.

Но еврейская древность несомнѣнно знала и болѣе частные виды языческихъ волхвованій, какъ можемъ догадываться объ этомъ мы, основываясь на другихъ, болѣе специальныхъ терминахъ.

Такъ въ Библіи неразъ встрѣчается нѣсколько загадочный терминъ—**רֹעֵשׁ**. Этимологія его довольно темна; LXX переводили его словами **χλυφογίσεωσι**, что значитъ „прорицать по шуму деревьевъ или шелесту листьевъ“. Нашъ русскій переводъ соотвѣтствующее мѣсто изъ пр. Исаіи, гдѣ употребленъ этотъ терминъ, передаетъ такъ: „ты оставилъ народъ свой, домъ Іакова, потомучто они полны чародѣйства и гаданія по облакамъ, какъ Филистимляне“ (Ис. II, 6 ст.). Самое же ясное указаніе на прорицаніе по шуму деревьевъ—наподобіе Дидонскаго оракула, находимъ въ исторіи Давида: „И спроси Давида Господь... близъ дубравы плача. И су-

деть, аще услышиши гласть шума отъ дубравы плача, тогда снидеши къ нимъ, яко тогда изведетъ Господь предъ тобою, същи на брани иноплеменники" (II Цар. V, 24).

Самъ Маубаум—не безъ нѣкоторой правды, натяжки пытается объяснить это слово, какъ деривативъ отъ существительного *שָׁמַן* указывающаго на „конкубинатъ“ (Исх. XXI, 11) и тѣмъ самымъ хочетъ поставить его въ связь съ культомъ Астарты или священной проституціи женъ, который будто бы практиковался въ древнемъ еврействѣ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ библейскихъ намековъ (IV Цар. 23, 7 „и разруши храмъ Кадшимовъ домъ блудилищный—идѣже жены прядяху ризы кумиру“—Ос. IV, 14; Ез. 16, 16 и пр.).

Этотъ видъ религіознаго служенія легко могъ соединяться и съ культомъ священныхъ дубравъ или деревьевъ, какъ это видно изъ словъ пр. Осії: „на версѣхъ горъ кадаху, и на холмѣхъ жряху подъ дубомъ и подъ елю и подъ древомъ, древомъ вѣтственнымъ, яко добръ кровъ, сего ради соблудятъ дщери ваши и невѣсты ваши возлюбодѣйствуютъ“ (Ос. IV, 13).

Слѣдующій библ. терминъ, имѣющій отношеніе къ древнееврейскому профетиазму—*שָׁמַן*,—думаетъ нашъ авторъ, вмѣстѣ съ авторитетными гебраистами—Bochert и Wiener'омъ—происходить отъ существительного *שָׁמֵן*, что значитъ „змѣя“ и слѣдовательно, указываетъ на волхвованія черезъ культь священныхъ змѣй. Что такой культь, по примѣру Египтянъ, широко практиковался въ Палестинѣ и Арамѣ, объ этомъ немало указаній въ Библіи (Исх. VII, 11; Быт. XXX, 27, Числ. XXIV, 1). Но оттуда же оказывается, что онъ небезъизвѣстенъ былъ и древнему еврейству. Такъ, знаменія и чудеса со змѣями фигурируютъ еще въ исторіи исхода Евреевъ изъ Египта, причемъ активную роль играютъ здѣсь Моисей и Ааронъ, т. е. „вождь и первосвященникъ“ Еврейскаго народа (Исх. IV, 4. 30; VII, 9—14). Въ особенности же соблазнительнымъ является извѣстный „мѣдный змій“, котораго повѣсили Моисей въ пустынѣ, въ качествѣ чудеснаго, избавляющаго отъ смерти средства (Числ. XXI); и только во дни царя Езекіиа былъ уничтоженъ культь этого змія, какъ заключалъ Мауѣ. изъ слѣдующ. словъ XVIII гл. IV кн. II: „той разгроми высокая и сокруши капище, и искорени ду-

бравы, и змію мѣдяну, юже сотвори Моисей, яко и до дній тѣхъ сынови Израилевы бяху кадаще ей”.

Существовали въ древнемъ Еврействѣ, какъ думаетъ нашъ авторъ, и болѣе грубыя формы гаданій, чрезъ посредство священныхъ фетишій, т. н. „беломантія“ и „рабдомантія“, т. е. прорицаніе при помощи особыхъ священныхъ колонъ или столбовъ и чудесныхъ жезловъ. Въ качествѣ библейскихъ указаній на это, М. приводить тѣ мѣста текста, гдѣ говорится о священныхъ камняхъ и столбахъ, о гаданіяхъ посредствомъ стрѣль и лука (IV Цар. XIII, 15—19), о прозябшемъ жезлѣ Аарона и слова пр. Осії: „въ знаменіяхъ во-прошаху и въ жезлѣхъ своихъ повѣдаху“ (Ос. IV, 12).

Особенно будто-бы развиты были среди Евреевъ, какъ и среди всѣхъ, вообще, кочевыхъ народовъ древняго Востока, гаданія астрологического характера, по теченію небесныхъ свѣтиль, по движеніямъ солнца, луны и облаковъ. Для этого вида мантики существовалъ даже и специальный терминъ *ברַבְּרַבְּרַבְּרַבְּ*, указывающій на гаданія сидерическо-астрономического происхожденія. На широкую практику этого культа указываетъ уже одно значеніе луны и ея фазъ въ циклѣ священныхъ временъ у Евреевъ, а также и прямая библейская свидѣтельства этого рода. Таково, напр. предостереженіе кн. Второзаконія: „да не когда воззрѣшь на небо, и видѣшь солнце и луну и звѣзды и всю красоту небесную, прельстився поклонишися имъ“ (IV, 19). Или еще обличеніе порокомъ царя Манассія, который „сотвори олтарь всей силѣ небеснѣй на дву дворѣхъ дому Господня: и провождаше сыны своя чрезъ огнь и вражаше и волшвенія творяше“ (Ц. VI, 6) ¹⁾.

Наконецъ, древнимъ евреямъ, повидимому извѣстны были и различные виды *некромантіи*, т. е. гаданіе по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ и вызываніе духовъ умершихъ людей. Самымъ сильнымъ и характернымъ свидѣтельствомъ этого рода служитъ извѣстный разсказъ Библіи о посвѣщеніи Сауломъ Аэндорской волшебницы и объ его бесѣдѣ съ духомъ умершаго пр. Самуила (I Цар. XXVII гл.). Гаданія

¹⁾ Интересные подробности и аналогіи этого вида гаданій можно читать въ статьѣ проф. С. Лесоцкаго. „Гаданія древнихъ ассирио-авилоянъ“ Тр. Кіев. Д. Ак. 1901 г. 2 кн.

этого типа обозначаются специальнымъ библ. терминомъ בָּשׂ или בָּשָׂר, заключающимъ въ себѣ, по объясненію Кнобеля, указаніе на дѣйствіе враждебной силы злого духа. Причемъ почти всегда эти два термина соединяются съ третьимъ שְׁׂעִירъ, означающимъ человѣка „мудраго“, опыта го волхва, изучившаго это искусство во всѣхъ его тонкостяхъ.

Такимъ образомъ, заключаетъ Маубаумъ въ средѣ народа Божія на первыхъ порахъ его исторіи широко практиковались всѣ извѣстные виды языческой мантники. Какъ на типичный общий сводъ ихъ, онъ смотрить на мѣсто изъ кн. Второзаконія, въ которомъ говорится: „да не обрящется въ тебѣ очищающей сына своего и дщерь свою огнемъ, волхвуя волхованіемъ и чаруяй и птицеволшебствуяй. Чародѣй, обавая обаваніемъ, утробоволхвуяй, и знаменосмотритель и вопрошающей мертвыхъ“ (XVIII, 10—11).

Реформаторомъ древне-израильскаго профетизма, разорвавшимъ его союзъ съ языческой мантникой и направившимъ его по пути монотеистического ягвеизма, былъ пр. Самуилъ. Дѣятельность его самого, а также его великихъ преемниковъ Илии, Елисея и пророковъ писателей, радикально переродили не только самъ профетизмъ, но и всю религию Израиля, очистивъ ее отъ политеизма и поднявъ на высоту этическаго монотеизма.

Однако такой религиозный подъемъ не былъ ни всеобщимъ, ни достаточно устойчивымъ. Съ эпохи раздѣленія царствъ мы снова замѣчаемъ возвратъ къ простымъ религиознымъ формамъ и реставрацію древняго монтеистическаго профетизма въ самыхъ разнообразныхъ его видахъ. Правда и эта реставрація не была полной: пророки новаго типа остались вѣрны ягвеизму и безпощадно громили начавшійся возвратъ къ „мерзостямъ язычества“. Но они особеннаго успѣха не имѣли и только все болѣе и болѣе увеличивали уголъ расхожденія между собою и остальными народомъ, во главѣ съ его царями, священниками и т. н. „ложными пророками“.

Что касается этихъ послѣднихъ, т. е. такъ называемыхъ, „ложныхъ пророковъ“, то точка зрѣнія на нихъ Маубаумъ особенно оригинальна и интересна. Онъ считаетъ ихъ не „ложными“, а самыми истинными и самыми чистыми выразителями древняго пророческаго типа. Съ этой точки зрѣнія, онъ готовъ скорѣй признать ложными нашихъ истинныхъ

пророковъ, потому что именно, они, какъ реформаторы и пророки новаго духа, сошли будто-бы съ своего традиціоннаго пути, измѣнивъ ему. А, такъ называемые, „ложные пророки“ остались вѣрны своей исторической древности и могутъ служить нагляднымъ доказательствомъ живой, раннѣйшей связи библейскаго профетизма съ древне-языческой мантикой.

Такова, въ главныхъ ея чертахъ оригинальная теорія Maybaum'a по вопросу объ исторической эволюціи библейскаго профетизма. Изъ всѣхъ раціоналистическихъ теорій—она наиболѣе подробно развита и лучше другихъ аргументирована.

Правда, и она въ сущности, тенденціозна, построена на эволюціонномъ фундаментѣ и по эволюціонному шаблону. Но серьезное преимущество ея передъ другими, аналогичными теоріями, состоить въ томъ, что она пользуется библейскимъ-же материаломъ, а не заимствуетъ его со стороны, изъ чуждыkhъ Библіи областей, какъ это обычно дѣлается почти во всѣхъ эволюціонныхъ построенияхъ. Вотъ, именно, въ этомъ-то и заключается главная сила и главная опасность теоріи Maybaum'a. Она пробиваетъ серьезную брешь въ традиціонномъ представлениі о библейскомъ профетизмѣ, которая требуетъ внимательной и тщательной задѣлки, къ чѣму мы теперь и перейдемъ.

A. Покровский.

(Окончаніе слѣдуетъ).
